

А.В. Урманов,
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы,
ФГБОУ ВПО «Благовещенский государственный педагогический университет»

РОЛЬ ГАЗЕТЫ «АМУРСКИЙ ПИОНЕР» В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ПРИАМУРЬЯ НАЧАЛА 1910-х ГОДОВ

Ключевые слова: литературное краеведение, литература Приамурья, периодическая печать, «Амурский пионер», «Амурский листок», «Благовещенское утро», А. Матюшенский, А. Константинов, Е. Михайлова.

В статье характеризуются литературные произведения и полемические статьи, печатавшиеся в «Амурском пионере» – одной из наиболее интересных газет Приамурья начала XX века.

«Амурский пионер» – ежедневная «прогрессивная, литературная, политическая и общественная» газета, выходившая в Благовещенске в 1911–1912 гг. Официально редактором-издателем в разное время числились Н.В. Бурдина и А.И. Матюшенский (Седой), однако фактическим редактором всегда являлся Матюшенский. Первый номер газеты вышел 15 мая 1911 г., последний – 18 июня 1912 г. После закрытия газета стала выходить – с 21 июня 1912 г. – под названием «Благовещенское утро».

В отличие от некоторых других амурских периодических изданий, стремившихся выдерживать то или иное общественно-политическое направление, ориентироваться на программу той или иной партии или социально-политической группы и порой получавших финансовую поддержку со стороны, газета Матюшенского «Амурский пионер» (а позднее его же «Благовещенское утро») была изданием, преследовавшим чисто коммерческие цели, а потому формально независимым от внешних политико-идеологических, партийных, классовых и прочих клановых или групповых влияний.

В первом номере была напечатана заметка «От конторы редакции», в которой сообщалось: «Газета “Волна”, прекратив своё существование, передала все свои обязательства “Амурскому пионеру”. А поэтому абоненты “Волны” со всеми требованиями, а также и с расчётами за абонемент и подпис-

ку благоволят обращаться в контору редакции “Амурского пионера”: Зейская улица, дом № 193, Мокиных (где типография Залесских), телефон № 577».

В этом же номере напечатана редакционная статья без подписи (написанная, очевидно, А.И. Матюшенским) «Наши задачи». Она носит программный характер. Статья многословная, велеречивая, патетичная. Начинается она в либеральном духе и с использованием либеральной же фразеологии: «Насколько хватит наших сил, мы будем устранять с пути общества всё то, что так или иначе тормозит его поступательное движение. / Наш девиз поэтому: вперёд, к новым формам общественного строя! К свободе человечества, ничем и никем не ограниченной! К благополучию и счастью всех без исключения!»

Однако высказав намерение осчастливить «всех без исключения», автор программной статьи тут же себя и одёргивает, вспомнив, видимо, тех, с кем предстояло бороться – им он «счастья» явно не гарантирует: «На этом пути мы, конечно, не можем не встретиться с интересами меньшинства, захватившего в свои руки все блага мира и обездолившего именно тех, руками которых создаются эти блага... / Не может меньшинство быть сильнее большинства, а следовательно, и борьба за счастье большинства может окончиться только победой». Здесь уже звучат тезисы и лозунги не либераль-

ные, а, в несколько смягчённой форме, революционно-демократические, чуть ли не большевистские. Уже по началу этой эклектично-компилятивной статьи понятно, что ясной и твёрдой программы у Матюшенского и его газеты нет, что редактор жонглирует словами, стараясь понравиться максимально большому числу потенциальных подписчиков. Понимая, что либерально и социалистически ориентированные читатели уже «разобраны» другими периодическими изданиями, автор статьи делает акцент на том, что может заставить их сделать выбор ещё и в пользу «Амурского пионера» – вопросы культуры как главная тема газеты: «Рабство разрушает всякую культуру. А поэтому: / – Вне свободы не может быть культуры. / Не может быть жизни человечества, ибо вне культуры жизнь немислима: / Народы, не обладающие культурой, просто вымирают, сходят в историческую могилу. / Мы поэтому – за культуру, за жизнь, а не за смерть. / Всякий, выступающий против культуры, наш враг. И наоборот, друзья культуры – наши друзья». Подчёркивается в статье и культурная отсталость Приамурья, что требует немедленных и энергичных мер: «Местная жизнь во всём отстала даже от жизни Европейской России. У нас только ещё зачатки чувства общественности. А развитие чувства общественности есть основа всякой культуры. <...> Наша главная задача <...> создать хотя бы сносные условия для жизни и развития культуры в крае».

Ещё один важный момент – «Амурский пионер» в лице автора программной статьи протягивает руку дружбы другим печатным изданиям: «...Мы надеемся, что в этой работе нашими союзниками будут все друзья культуры, а в том числе и наши старшие собратья – “Эхо” и “Амурский листок”». Однако вскоре станет понятно, что Матюшенский не зря так часто употреблял в этой статье слова «борьба» и «враги»: некоторые из

названных «друзей культуры» (прежде всего «Амурский листок») станут для «Амурского пионера» и особенно его редактора отнюдь не союзниками, а скорее смертельными врагами. И вина за это будет лежать и на авторе программной статьи.

Планы на будущее у новой газеты были серьёзными, даже несколько воинственными. Отразилось это ещё в одном явно программном, написанном специально ради такого торжественного случая материале первого номера – стихотворении *Н. Тульчина* (кто из амурских авторов печатался под этим псевдонимом – установить не удалось) «Пионер»:

Смело вступает с глухой тайгой
Новый пришелец в борьбу.
Рубит тайгу сильной, твёрдой рукой
С верою в счастье, в судьбу...

Верит, что мёртвый он край оживит;
Верит – упорным трудом
Тьму он рассеет, тайгу осветит
Ярким прогресса лучом...

Заступ отточен, готов уж топор.
Ждёт, пионер, тебя край...
Блещет отвагой, надеждою взор...
Смело вперёд! Начинай!

Малохудожественный, до краёв наполненный риторикой текст этот задаёт парадигму вовсе не созидания, не культурного строительства, о чём много и с пафосом говорилось в статье «Наши задачи», а борьбы, «рубки». В этом смысле строчки «Заступ отточен, готов уж топор. Ждёт, пионер, тебя край...» весьма точно предсказывает то, каким образом «Амурский пионер» под водительством «нового пришельца» (А. Матюшенского) начнёт действовать в «малокультурном» пространстве Приамурья. Может быть, оттого и короток, и не очень славен оказался век газеты, что она изначально была настроена на борьбу, на бой...

Что касается провозглашённой Матюшенским «главной» задачи – «окультуривания» «отсталого края», то она стала реализовываться как-то странно – с публикации (начиная с третьего номера) очерков А.И. Мского (то есть А. Матюшенского) «Продажная любовь» [4]. Публикацию предваряет примечание редакции: «Эти очерки, вышедшие в 1907 г. отдельным изданием, мы печатаем с разрешения автора. Редакция». То есть, получается, Матюшенский как автор очерков разрешил себе же как редактору-издателю газеты перепечатку своей собственной книги... А очерки, действительно, уже публиковались в виде отдельной книжки, но не в 1907-м (Матюшенского память подвела), а в 1908 году, и под другим заглавием – «Половой рынок и половые отношения» [3]. Разумеется, никакого отношения к «развитию культуры» эти очерки не имеют. Зато они имеют откровенно коммерческий характер, ибо обращены к теме, которая в период наступившей после первой русской революции реакции стала пользоваться повышенным интересом у массового читателя – преимущественно мещанской публики и, как следствие, у части литераторов, ориентирующихся исключительно на издательскую конъюнктуру. Об этой набравшей силу тенденции в том же 1908-м, откликаясь, возможно, и на книгу Матюшенского «Половой рынок и половые отношения», писал сатириконец Саша Чёрный в стихотворении «Песня пола»:

«Проклятые» вопросы,
 Как дым от папиросы,
 Рассеялись во мгле.
 Пришла Проблема Пола,
 Румяная фефёла,
 И ржёт навеселе.

Заёрзали старушки,
 Юнцы и дамы-душки
 И прочий весь народ.

Виват, Проблема Пола!
 Сплетайте вокруг подола
 Весёлый «Хоровод».

Ни слёз, ни жертв, ни муки...
 Подыдем знамя-брюки
 Высоко над толпой.
 Ах, нет доступней темы!
 На ней сойдёмся все мы –
 И зрячий и слепой...

Матюшенский явно подыгрывает низменным инстинктам и примитивным вкусам неразборчивых читателей, описывая случаи детской проституции, сводничества, порнографии, насилия, сексуальных извращений и т.п. В первой главе очерков «Продажная любовь», включенной в № 3 «Амурского пионера» (18 мая 1911 г.), речь как раз идёт о детях, ставших жертвами улицы, занимающихся проституцией, – в том числе о мальчике, у которого есть свои «клиенты». Содержание некоторых других глав (очерков) тоже вряд ли могло быть использовано для «развития культуры» Приамурья: IV. Биржа тела и неестественная любовь; V. Техника насилия; VI. Семейные вечера; VII. Муж в роли сводника; VIII. Жажущие случая; IX. Содержанка при муже; XVI. Малолетние в притонах и т.д. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что газетная перепечатка в 1911-м брошюры родом из 1908-го была автором снабжена более броским, более привлекательным для провинциального читателя заглавием – «Продажная любовь».

С другой стороны, очерки Матюшенского, отразившие падение общественной морали, показавшие агрессивное вторжение «рынка», «рыночных услуг» в сферу половых отношений, достаточно точно определяют главную причину этого феномена – бурное развитие в России дикого капитализма, вытесняющего традиционные духовно-этические ценности и социально-

политические идеалы, подменяющего их культом денег.

Очень скоро тема «продажной любви» будет подхвачена и получит «художественное» развитие в коллективном романе «Амурские волки», который с 15 января 1912 года начнёт печатать «Амурский пионер» [1]. Правда, и этот ключевой текст газеты, публикация которого после закрытия «Амурского пионера» продолжится в газете «Благовещенское утро», вряд ли поспособствовал «развитию культуры» в «отсталом крае».

Вместе с автором «Продажной любви» и его соавторами по «Амурским волкам» Юлией Михай, Кэтти (оба псевдонима принадлежат Екатерине Михайловой), Колядой (Николаем Колодезниковым) и Н. Тульчиным (псевдоним не раскрыт) «золотую жилу» разрабатывал ещё один сотрудник «Амурского пионера» – фельетонист Евгений Александров. Так, в том же № 3, в котором началась перепечатка очерков Матюшенского, был напечатан его стихотворный фельетон (под псевдонимом *Бурхан*) «Амурский амур» – о свободных нравах, царящих на бульварах, в парках Благовещенска, о «случайной любви» и т.п. В № 1 за 1912 г. напечатан ещё один его фельетон в стихах (на этот раз под псевдонимом *Искандер*) – «Без маски», развивающий тему определённых наклонностей женщин, на этот раз принадлежащих «светскому» обществу:

Раз без маски я, ей-богу,
Вечно корчу недотрогу:
Не добиться моей ласки...
Рамки светские мешают...
Ведь все женщины бывают
Лишь под маскою без маски!..

Множество материалов «Амурского пионера» посвящено полемике с газетой «Амурский листок» и её редактором А.А. Константиновым, который организовал на страницах своего издания грандиозную раз-

облачительную кампанию, направленную против недавнего ведущего сотрудника.

7 июля 1911 г. «Амурский листок» напечатал большую статью без подписи (обычно такое бывало, когда скандальный материал готовил сам редактор) «Долой маску!». Безымянный автор называет Матюшенского «авантюристом», «шантажистом», бесчестным человеком. Основание – ссылка на то, что Матюшенский после приезда в Благовещенск в мае 1910 г. рекомендовал себя как корреспондента лидера партии октябристов, на тот момент председателя Государственной думы А.И. Гучкова, который позже, во время визита в город, будто бы заявил, что не знает никакого Матюшенского. Второе обвинение – якобы Матюшенский вымогал пять тысяч рублей с представителя торгового дома Алексеевых за молчание по поводу пожара на пароходе «Муравьёв-Амурский» (эта история в сатирическом ключе будет воссоздана в коллективном романе «Амурские волки»). Дальше больше: автор статьи сообщает, что Матюшенский будто бы служил в полиции «в качестве околоточного надзирателя» и «был уволен за причастность к растрате чьих-то денег». В анонимной статье задаётся вопрос: уж «не тот ли это Матюшенский-Седой», который был причастен к организации Гапона и к каким-то тёмным финансовым аферам последнего? Статья завершается итогом: «Теперь, когда с Седого сорвана маска, мы заявляем, что раз навсегда отказываемся от полемики с “Амурским пионером”, ибо газеты, руководимые людьми типа Матюшенского, уже имеют свою историю и с ними как с печатным органом считаться нельзя, понятно, до тех пор, пока г. Седой не докажет, что он и Матюшенский не одно и то же лицо».

Кстати, ответом на эти обвинения стало «Открытое письмо публике» за подписью «Редакционный коллектив “Амурского пионера”», опубликованное 13 июля 1911 г. в

газете «Амурский пионер». В нём, в частности, говорилось: «1. Ложное выдавание себя со стороны А.И. Седого за корреспондента Гучкова. / А.И. Седой при своём знакомстве с редактором А. Константиновым сказал, между прочим, что он имеет корреспондентскую карточку от редакции газеты “Голос Москвы”, которая просила его, в случае возможности, посылать ей материал относительно дел на строительстве Амурской ж. дороги. При этом упомянул, что “Голос Москвы” пользуется симпатиями А.И. Гучкова. Относительно же того, что он лично состоит корреспондентом А.И. Гучкова, Седой ничего не говорил ни редактору “Ам. л.”, ни администрации. / Таково объяснение А.И. Седого. / Исходя из того, что: 1) многие лица, знающие А.И. Седого, никогда не слышали от него подобного заявления; 2) что те, кто слышал, слышали об этом от самого г. Константинова; 3) что г. Константинов всем известен как человек, не стесняющийся говорить неправду, лишь бы она была для него полезна и выгодна (а иметь сотрудником корреспондента Гучкова представляло для него известную рекламу), и 4) что А.И. Седой настолько опытный и талантливый журналист, что не нуждается в прибегании к подобным уловкам для возможности помещения в печати своих произведений, мы пришли к заключению, что объяснения А.И. Седого вполне заслуживают доверия и что этот пункт обвинений неверен. / 2. Вымогательство 5000 р. с Т.Д. [Торгового дома. – А.У.] Алексеев с С-ми. / По приходе доверенного Т. Дома разговор его с А.И. Седым происходил в кабинете и его никто не мог слышать, ни мы, ни, тем более, сотрудник “Амурского листка”. После ухода г. Косицына А.И. Седой вышел в комнату, где находилась часть сотрудников, и сказал, что сейчас нам предлагали взятку в 1000 рублей за молчание по поводу пожара на “Мур.-Ам.”, но он отказался. / Над этим фактом смеялись и шутя

говорили, что жаль: хорошо бы иметь набитую деньгами кассу. / Г. Константинов мог только слышать со стороны о 5000 р., но говорить всякий может что угодно. Мы этому факту не верим и считаем его голословным...».

Днём ранее, 12 июля, «Амурский листок» печатает редакционную статью (и здесь нетрудно угадать автора) «Разоблачение хищника». В ней даётся ответ на вопрос, почему в течение почти двух лет редакция могла иметь в составе своих сотрудников «человека, запятнавшего себя тяжёлым преступлением, имя которого с презрением проносится до сих пор всей мыслящей Россией»: «Никто из состава редакции с редактором Константиновым во главе до недавних пор не знал ровно ничего о прошлом г. Седого. <...> никому из нас в голову не приходило, что за преступник скрывается под этой фамилией».

13 июля газета печатает статью *Пролетария* (псевдоним не раскрыт) «Седой-Матюшенский» – о *гапоновщине* и роли в ней Матюшенского; на следующий день – статью без подписи «Беззастенчивый “Коллектив”». В ней содержатся обвинения в адрес коллектива редакции «Амурского пионера», вначале якобы решившего покинуть газету, которую возглавляет «провокаатор», а затем передумавшего. В статье повторяются звучавшие прежде обвинения в адрес Матюшенского. В заключение автор пишет: «Карьера Седого-Матюшенского закончена вообще в России, а после разоблачения – и в Благовещенске. Единственно, что остаётся ему, это ехать дурачить публику туда, где его не знают. В Благовещенске этого ему не удастся».

16 июля «Амурский листок» публикует «Ответ Седому-Матюшенскому» за подписями «бывших сотрудников “Амурского листка”» И. Рогаткина, П. Колмакова и Н. Перминова. Авторы пишут, что не могут

«категорически утверждать, что Матюшенский – провокатор», но имеют «право подозревать его в причастности к провокации». Они обвиняют Матюшенского в противоречиях и заявляют: «Реабилитировать себя <...> Матюшенский может в Петербурге или за границей. От дальнейшей полемики с Матюшенским отказываемся...». Попутно в разделе «Хроника» почти ежедневно печатаются сообщения, выставляющие Матюшенского в самом неприглядном свете.

И только 23 сентября 2011 г. – первая публикация «Амурского листка», выражающая иную точку зрения: «Письмо в редакцию» В.Я. Ротта, Е.С. Левашова, Н.Г. Кожевникова – известных в городе адвокатов, по просьбе Матюшенского рассмотревших суть обвинений публичных обвинений, предъявляемых ему. Заключение юристов звучит категорично «...Все эти обвинения должны быть сданы в архив и Седой-Матюшенский должен быть признан полноправным членом того общества, которому он на наших глазах достаточно стойко и энергично отдаёт свои силы в тяжёлой и мало благодарной роли профессионального газетного работника». Редакция «Амурского листка», опубликовав «Письмо...», уклонилась от его оценки, признавая себя «незаинтересованной стороной», апеллируя к лицам из публики, которым знакома деятельность Матюшенского. Кстати, это письмо вначале было опубликовано в газете Матюшенского «Амурский пионер» (1911. № 102, 22 сентября), и только после этого его перепечатали другие издания – «Эхо» и «Амурский листок».

На этом разоблачительная кампания не завершилась, хотя, казалось, все обвинения уже были выдвинуты, все оскорбительные эпитеты многократно повторены. Эта настойчивость газеты может быть объяснена лишь маниакальным желанием редактора «Амурского листка» выжить Матюшенского

из Благовещенска, не давая ему ни дня передышки. 27 ноября 1911 г. в газете появляется статья некоего *Гр. Рокотова* (возможно, самого А. Константинова) «Правда о Матюшенском». Автор отвергает высказанные на страницах «Амурского пионера» оправдания Матюшенского, вновь и вновь обвиняя его в провокаторстве и воровстве. Цель статьи – «предостеречь от возможной активности бывшего провокатора, имеющего в своём распоряжении печатный орган под кличкой “прогрессивного”».

11 декабря в «Амурском листке» печатается статья *А.И. Л-ва* с тем же названием – «Правда о Матюшенском». В ней приводится большая выдержка из писем петербургского журналиста Н. Симбирского – о последних днях гапоновщины, в том числе об участии Матюшенского в финансовой афере с присвоением 23 тысяч рублей.

Разумеется, со страниц «Амурского пионера», а затем «Благовещенского утра» Матюшенский отвечал на все эти выпады и обвинения «Амурского листка». Судя по тому, что Константинов несколько раз отказывался (по крайней мере, на словах) от продолжения полемики с этими газетами, аргументов и фактов, а также мастерства владения словом редактору «Амурского листка» в его противостоянии с таким «зубром» журналистики, как Матюшенский, явно не доставало. Недостаток аргументов и мастерства приходилось покрывать за счёт грубости, что порой придавало газете Константинова налёт бульварности.

Ещё раз следует подчеркнуть, что газета Матюшенского в этой острой полемике не была лишь объектом для битвы, она мгновенно реагировала на оскорбительные выпады, её аргументы часто выглядели более убедительно. Хотя иногда срывался и редактор «Амурского пионера». Так, в ответ на каскад оскорбительных по форме и сути обвинений, опубликованных в «Амурском

листке», он напечатал в своей газете под своим наиболее известным псевдонимом *А.И. Седой* полемические заметки «Довольно терпеть!» (1911. № 104. 24 сентября). В них Матюшенский сполна отплатил, причём той же самой монетой, своему главному обидчику Анатолию Александровичу Константинову, воспользовавшись «тёмными пятнами» его биографии: «Пора сказать публике, что такое Анатолий Константинов, чтобы публика знала, с кем нам приходится иметь дело, из какого источника идут обвинения. / Зная, кто и что такое Константинов, публика вместе с тем поймёт, что для него нет недозволенных средств, что он не останавливается ни перед чем. / Оговариваемся, что мы приводим только такие факты из жизни Константинова, относительно которых нет никаких сомнений. / Вот эти факты: / Анатолий Константинов служил в канцелярии военного губернатора Амурской области и воровал из дел гербовые марки, за что его и выгнали со службы. / Анатолий Константинов, в бытность на службе в той же канцелярии губернатора, взялся доставить одному обывателю пожалованную ему золотую медаль. / За такую медаль, как известно, взыскивают 55 рублей, — а Константинов взыскал за медаль 110 рублей. / Эта махинация выяснилась в тот же день, и за это Константинова побили. / Анатолий Константинов служил в акцизе и брал взятки, за что и понёс наказание по суду. / Анатолий Константинов обмошенничал г-жу Павлову на 3000 рублей. Признаки мошенничества в этом деле усмотрел окружной суд (при разборе гражданского иска) и передал дело прокурору. <...> Вот с каким господином приходится иметь дело и нам, и публике. <...> Что такое клевета для человека, который и ворует, и мошенничает, и взятки берёт?»

Были и другие случаи, когда «Амурский пионер» использовал любой удобный случай, чтобы лишний раз уколоть газету

Константинова и его самого, например, охотно печатал «письма в редакцию» тех, у кого не сложились отношения с редактором «Амурского листка» (таковых всегда хватало). Так, 8 марта 1912 г. в газете появилось «Письмо в редакцию» за подписью недавнего репортёра «Амурского листка» А.С. Леонтьева: «В № 989 газеты “Эхо” было помещено письмо редактора “Амурского листка” А. Константинова, которым он реагировал на заметку в “Эхо” под заглавием “Забастовка сотрудников”. / В середине письма он пишет: / “Основанием для этой заметки послужил, вероятно, отказ от службы одному из репортёров, последовавший вследствие неприличного его поведения во время разговоров с руководителем газеты”. / Полагая, что дело идёт обо мне, я нахожу, что факт моего выхода из газеты “Амурский листок” освещён г. Константиновым неверно. / Я заявляю: / Г. Константинов меня не увольнял, а я вышел сам из газеты “Амурский листок”, не находя возможным для себя продолжать работу при существующих условиях там. / Кроме того, я сознаю, что с “руководителем” издания я вёл себя действительно “неприлично”, т.е. так, как должен вести себя каждый с Константиновым».

Об этой ожесточённой перебранке двух редакторов «прогрессивных» газет, на словах выступавших за «развитие культуры», нельзя сказать, что она являлась образцом и примером того, как надо проводить цивилизованную полемику. Скорее наоборот, она была вопиющим случаем бескультурья и провинциальности в худшем смысле этого слова.

Кроме глав коллективного романа «Амурские волки», в «Амурском пионере» печаталось не так много произведений, претендующих считаться художественными. Прозаические фельетоны Матюшенского (под разными псевдонимами) и фельетоны в стихах Е.С. Александрова (под псевдонимами

ми *Бурхан* и *Искандер*) вряд ли принадлежат собственно художественной литературе — это, скорее, обычные газетные фельетоны на злобу дня.

Печатались в «Амурском пионере» и стихи. Два стихотворения в газете опубликовал Филипп Дан: «Эта весна — не моя» (1911. № 33. 24 июня) и «Новый год» (1912. № 1. 1 января), изредка печатались стихи *П. Гарева* — Петра Колмакова. В «Прибавлении» к «Амурскому пионеру» за 26 июня 1911 г. (№ 35) помещено стихотворение одного из самых активных сотрудников газеты *Н. Тульчина* (псевдоним, как отмечалось выше, не расшифрован) — «Мессия», представляющее собой современное, со специфическими подтекстами, прочтение евангельского сюжета: «Мессию весь народ еврейский, / Царя царей, упорно ждал, / Но юношу семьи плебейской / Он за Мессию не признал...»

Начиная с № 65 (3 августа 1911 г.) под псевдонимами *Юлия Михай*, *Кэтти*, *Кратива* в «Амурском пионере» активно печатаются стихи, рассказы, фельетоны в стихах, корреспонденции, рецензии Екатерины Михайловой. Вскоре Михайлова превращается в одного из ведущих авторов газеты, работающего в литературных жанрах. Вошла она, как уже отмечалось, и в число авторов коллективного романа «Амурские волки».

Что касается стихов Е. Михайловой, а они почти всегда печатались под псевдонимом *Юлия Михай*, то чаще всего они являлись образцами пейзажной или интимной лирики. Как и в прозе, оригинального, неповторимо-индивидуального в них на первых порах немного: как правило, это штампы, перепевы и перелицовки избитых тем и мотивов. Для выражения своих переживаний *Юлия Михай* ищет готовые формы: рифмы, эпитеты, образы. Даже при описании амурской природы, благовещенских реалий она, в отличие, например, от печатавшегося десяти-двадцатью годами ранее Л. Волкова или

своего современника Г. Шпилёва, рисует «типовые», «стандартные» картины, в которых местный, дальневосточный колорит почти полностью отсутствует. Возможно, это объясняется тем, что школьная учительница (кем она была по образованию и основному роду деятельности) старалась, как могла, следовать стандартам той словесности, которую она преподавала своим ученикам в начальной школе. В результате, стихи *Юлии Михай* раннего периода творчества представляют собой весьма причудливое соединение высокого романтического «штиля», литературных штампов, откровенных перепевов и заимствований и, с другой стороны, авторских, по преимуществу откровенно слабых, дилетантских строчек, в которых *Юлия Михай* неумело стремится выразить собственное отношение к миру, собственные ощущения. В первую очередь, это касается любовной лирики *Юлии Михай*, нередко вызывающей в памяти стихи пушкинского Владимира Ленского, который «пел разлуку и печаль, / И нечто, и туману даль, / И романтические розы». Один из характерных примеров интимной лирики Михайловой — опубликованное в «Амурском пионере» стихотворение «Ночью» (1911. № 91):

Пред бледнеющим ликом луны
Пробираются медленно тучи
И ползут, как печальные сны,
На высокие, чёрные кручи.

Тишина, как предвестница вьюг,
Над землёю повисла угрюмо!..
Я одна... В сердце стонет недуг
Слабосилья и горькая дума!..

Я одна на балконе стою.
Взглядом, полным мольбы и желанья,
На далёкое небо смотрю,
Замирая в тоске ожиданья...

В тишине мир уснул... Друг, приди!
Час свиданья проходит мгновенно,
Только в слабой, усталой груди

Вопли злобы царят неизменно!..

Друг, приди! и на крыльях мечты
 Мы умчимся от горя, упрёка...
 От всерушащей злой темноты,
 В мир отрады... Далёко, далёко!..

Ни автор стихотворения, ни редактор газеты А. Матюшенский, видимо, не почувствовали, что произведение местами (когда поэтесса от общего, от стандартных пейзажных образов переходит к частному, к собственным переживаниям) выглядит просто пародийно, что призывное восклицание «Друг, приди!» вызывает у читателя иронические ассоциации всё с тем же Ленским – с его пресловутым «Сердечный друг, желанный друг, / Приди, приди: я твой супруг!..» Никто, видимо, не объяснил пишущей стихи учительнице, что выражения типа «взгляд, полный мольбы и желанья», «тоска ожидания», «лик луны» – ни что иное как штампы, или что обороты «в сердце стонет недуг слабосилья», «вопли злобы царят неизменно» и т.п. – это стилевая выпренность, претенциозность.

Со временем в поэтическом творчестве Юлии Михай, представленном на страницах «Амурского пионера», всё большее место начинают занимать стихи со смутно выраженными социальными мотивами. Очевидно, сказались два фактора: общая атмосфера общественной жизни России начала 1910-х гг., а также направление газеты, которая, по замыслу Матюшенского, отразившемуся в подзаголовке, должна была стать изданием «прогрессивным, литературным, политическим и общественным». То есть, на три четверти общественно-политическим, а не художественным. Конечно, «прогрессивный» курс «Амурского пионера» был, скорее, рекламной приманкой, сориентированной на вкусовые предпочтения тогдашней читающей публики, чем выстраданной мировоззренческой и гражданской позицией редак-

тора и его сотрудников, а потому на практике обычно воплощался декларативно, а не сущностно. Это касается и некоторых стихов Юлии Михай, наполненных расхожими оборотами, клише, господствующей в «прогрессивных» общественных кругах риторикой. Типичный образец подобного рода лирики – стихотворение «Утешение» (Амурский пионер. 1911. № 138):

Пусть над землёю забытой
 Царствует долго зима;
 Саваном злобы не скрытой
 Душит мечтания тьма!

Пусть под напевами вьюги
 Падают жертвы вражды,
 Сеются горем недуги
 В царстве проклятой нужды,

Факелом светлых мечтаний
 Тухнут под мглою невзгод,
 В мраке несчастных желаний
 Всходят миллионы забот!

Пусть! Настанет мгновенье,
 Быстро исчезнет зима,
 С воплем погаснет гоненье,
 Светом разрушится тьма...

И в беспредельности света
 Мир о любви запоёт,
 Полное счастья, привета,
 Солнце на небе взойдёт.

Отчасти это слабые перепевы мотивов «Варшавянки» (1905) с её враждебными вихрями и тёмными силами, которые «злбно гнетут» (саван злобы; душит мечтания тьма и т.п.), отчасти образный строй и риторика, заимствованные из либеральной публицистики и революционно-демократической поэзии: жертвы вражды; царство проклятой нужды; факел светлых мечтаний; мрак несчастных желаний. О том, что вся эта заёмная лексика и риторика были внутренне чужды поэтессе, что её утончён-

ная мечтательная натура была поглощена совсем иными переживаниями – личными, интимными, понять несложно, ибо в «Утешении» и других подобных текстах нет ни единого живого слова, ни одной проникнутой подлинным чувством строчки. А некоторые сконструированы наспех, недопустимо небрежно: «С воплем погаснет гоненье», «Всходят миллионы забот» и т.п. Ещё более выразительный пример откровенной поэтической халтуры, ставшей следствием выполнения чуждого «социального заказа» – стихотворение «Свободное слово» (Амурский пионер. 1912. № 60): «Пусть реакция безжалостно / Давит всё своей рукой, – / Ты у нас, слово свободное, / Гордо реешь над толпой!..» То, что *Юлия Михай* именует «свободным» словом, на самом деле является словом казённым, мёртвоорождённым, уродливым, не способным не только «реять», но даже ковылять, спотыкаясь. Очевидно, почувствовала это и Е. Михайлова, в лирике которой стали более отчётливо звучать мотивы одиночества, тоски. Всё чаще она стала писать о желании вырваться из тисков обстоятельств и чуждых ей дел и мнений. Этими настроениями, например, наполнено стихотворение «Мечты» (Амурский пионер. 1912. № 7):

Мне наскучила жизнь городская,
Сплетни, шум и бряцанье цепей!
Рвётся сердце, мечтою сгорая,
На раздолье снежных степей...

Цети, о которых она с таким чувством пишет и которые идут в одном перечислительном ряду со *сплетнями* и *шумом*, – это, конечно, не пресловутый гнёт самодержавия, а тяжкое бремя «прогрессивного» общественного мнения, навязываемого ей в редакциях газет Матюшенского.

Практиковал «Амурский пионер», как и некоторые другие периодические издания

Приамурья, перепечатку произведений известных российских авторов. Правда, если верить комментариям редакции, иногда эти перепечатки опережали публикации. Так, 28 июля 1911 г. на страницах «Амурского пионера» появился рассказ А.С. Грина «Позорный столб», предварённый примечанием: «Печатается с разрешения редакции “Всеобщего журнала” до выхода номера, в котором будет напечатан этот рассказ». Нечто подобное произошло 5 января 1912 г., когда газета напечатала рассказ А.И. Куприна «Телеграфист», предназначенный, как сказано в предисловии, для 12-го, ещё не вышедшего, номера всё того же «Всеобщего журнала». А на следующий день, 6 января, газета поместила стихотворение Аркадия Бухова «Один из волхвов», перепечатанное из столичного «Сатирикона».

В целом, художественный уровень большинства литературных публикаций «Амурского пионера» был невысоким, в историю литературной жизни Приамурья газета вошла, скорее, со знаком минус – как издание, печатавшее «низкопробную бульварщину» [2, с. 46], а именно приобретший шумно-скандальную известность коллективный роман «Амурские волки».

Литература

1. Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья // Амурский пионер. – 1912. – №№ 12-131; Благовещенское утро. – 1912. – №№ 1-22.
2. Лосев А.В. Александр Иванович Матюшенский (Полемические заметки о новоявленном «классике» амурской литературы) / А.В. Лосев; публ. и коммент. А.В. Урманова // Амур: Литературно-художественный альманах. – № 6. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – С. 39-60.
3. Матюшенский А. Половой рынок и половые отношения / А. Матюшенский. – СПб.: Типография «Север», 1908. – 132 с.
4. М-ский, А. [Матюшенский, А.] Продажная любовь // Амурский пионер. – 1911. – №№ 3-45, 18 мая – 9 июля.